VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

РѢЧЬ

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

К. И. МАКСИМОВИЧА,

произнесенная въ чрезвычайномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 9-го ноября 1888 г.

Милостивые Государи.

Получивъ приглашеніе дать отзывъ о ботаническихъ коллекціяхъ Н. М. Пржевальскаго и о научной разработкѣ ихъ, я считаю за лучшее сначала доложить, какъ и когда эти различныя коллекціи были переданы въ мое распоряженіе; а затѣмъ перейти къ изложенію нынѣшняго состоянія научной ихъ разработки и нѣкоторыхъ уже добытыхъ выводовъ.

Начало коллекторской дѣятельности Николая Михайловича, сколько мнѣ извѣстно, положено въ 1867 году. Ранѣе этого шла, какъ онъ самъ выразился въ предисловіи къ своему сочиненію объ Уссурійскомъ краѣ, предварительная подготовка, длившаяся нѣсколько лѣтъ.

Въ началѣ 1870 г. явился ко мнѣ молодой офицеръ, отрекомендовался Николаемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ и объяснилъ, что онъ три года пропутешествовалъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и, хотя преимущественно занимался собираніемъ зоологическаго матеріала, обращалъ вниманіе и на растительность, а вывезенный оттуда гербарій предложилъ Ботаническому Саду, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы растенія были немедленно опредѣлены, а списокъ ихъ сообщенъ ему. Энергическая, талантливая, кипящая

жизнью личность Николая Михайловича, его живой умъ, отличная наблюдательность и пламенная любовь къ природѣ, сквозившія въ рѣчахъ его, уже тогда произвели на меня глубокое впечатлѣніе и навсегда расположили въ его пользу.

Даръ Николая Михайловича конечно былъ принятъ съ благодарностью, потому что прямо относился къ моимъ спеціальнымъ занятіямъ по флорѣ Восточной Азіи, требуемый же имъ списокъ изготовленъ въ самый короткій срокъ, такъ какъ между представленными растеніями никакихъ новостей не оказалось, да и вся коллекція была невелика.

Упоминаю объ этомъ первомъ гербаріи потому, что онъ былъ составленъ и приготовленъ по тому-же способу, котораго составитель держался и впослѣдствіи и который изложенъ имъ въ первой главѣ его четвертаго путешествія: „Какъ путешествовать по Центральной Азіи.“ Способъ этотъ отличался оригинальностью. Бумага— огромнаго формата, такъ что растенія помѣщались въ ней чаще во весь ростъ и получалось несравненно лучшее представленіе о нихъ, чѣмъ по тѣмъ мелкимъ образчикамъ, какіе обыкновенно берутся путешественниками. Высушиваніе производилось на скорую руку, такъ сказать по военному, въ два, три пріема, раскладываніемъ листовъ съ экземплярами на солнцѣ во время привала. Отъ скорой сушки отлично сохранялась свѣжесть красокъ, но за то цвѣты и листья понѣжнѣе иногда морщились или свертывались, чѣмъ конечно затруднялось научное изслѣдованіе. Выборъ экземпляровъ свидѣтельствовалъ о хорошемъ знакомствѣ собирателя со флорою средней Россіи: такъ русскія породы собирались по одному, по двумъ образчикамъ, мѣстныхъ же или сибирскихъ видовъ имѣлось на лицо по десяти и болѣе экземпляровъ. Къ коллекціи былъ приданъ реестръ, содержащій довольно полныя замѣтки о мѣстонахожденіи, времени сбора, почвѣ, ростѣ, распространеніи и т. д.

Пребываніе въ Петербургѣ уже тогда тяготился Николай Михайловичъ, сѣтовалъ на климатъ, на докучливые разспросы, на возню съ типографіей, и вздыхалъ по свободѣ степей и привольной жизни въ нихъ. Какъ теперь помню восторгъ его, когда ему выпало счастье, въ первый разъ отправиться въ невѣдомыя пространства Средней Азіи!

Въ концѣ 1873 г. Николай Михайловичъ вернулся изъ этой первой экспедиціи въ Центральную Азію, безспорно самой замѣчательной изъ всѣхъ совершенныхъ имъ, безпримѣрной по небывалому удальству, выносливости и трудолюбію четырехъ участниковъ

въ ней и по достигнутымъ, въ сравненіи со скудными средствами, громаднымъ результатамъ.

Ботаническій сборъ былъ опять предоставленъ Ботаническому Саду, и, по старому знакомству, собственно мнѣ; но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ научно обработанъ, а результатъ помѣщенъ въ особенномъ отдѣлѣ издаваемаго Николаемъ Михайловичемъ труда, съ приложеніемъ рисунковъ всѣхъ новыхъ формъ.

Признаюсь, трудно было рѣшиться, взять на себя этотъ новый и значительный трудъ, въ то время, когда на рукахъ были громадныя, неразработанныя еще, собственныя коллекціи изъ Восточной Азіи. Но въ Ботаническомъ Садѣ тогда не имѣлось другого лица готоваго взять на себя этотъ трудъ. Отказаться, значило лишить садъ весьма драгоцѣнной коллекціи. Къ тому, предметъ отчасти былъ для меня знакомый: списокъ Монгольской флоры былъ изданъ мною еще прежде: а новый Монгольскій сборъ не могъ содержать въ себѣ много новаго. Что-же касается растеній изъ Ганьсу, гдѣ каждое другое растеніе было ново, то ихъ было вывезено тогда всего 400 видовъ, слѣдовательно, была надежда, справиться съ ихъ обработкою въ непродолжительное время. Главную задержку составляли таблицы; но перспектива ознакомить науку съ непочатою и весьма своеобразною флорою была весьма заманчива. Наконецъ, кто же могъ не увлечься и личностью самого путешественника, кто могъ добровольно отказаться отъ удовольствія короткаго съ нимъ знакомства и увлекательныхъ бесѣдъ его, столь поучительныхъ даже въ ботаническомъ отношеніи. Я согласился; но предупредилъ, что обработка его матеріала, при другихъ моихъ занятіяхъ и за многочисленными рисунками, не можетъ подвигаться быстро.

Но съ каждымъ новымъ путешествіемъ являлся и Николай Михайловичъ, приговаривая: и Вамъ привезли свѣженькаго матеріала.

Первая экспедиція дала намъ флору юго-восточной Монголіи и прекрасный образчикъ растительности самаго лучшаго участка западной Ганьсу, которою по справедливости такъ восторгался Николай Михайловичъ.

Второе путешествіе, прерванное тяжкою болѣзнью участниковъ въ ней, познакомило съ лучшею, роскошнѣйшею частью Монголіи, по южному склону Тянъ-Шаня, а затѣмъ со страшною пустынею Тарима и Лобъ-Нора.

Третья экспедиція, кромѣ средней монгольской флоры, а особенно Дзюнгарской пустыни и оазиса Са-Чжеу, доселѣ неизвѣстныхъ, доставила изъ Ганьсу богатый гербарій, собранный на этотъ

разъ большею частью на лёссовыхъ отложеніяхъ Куку-Нора и верхней Хуань-хэ. Въ противоположность первому сбору, этотъ былъ богаче давно-извѣстными, чѣмъ новыми формами.

Высокое плоскогорье Сѣвернаго Тибета до сихъ поръ было посѣщаемо Николаемъ Михайловичемъ только зимою. Лишь въ четвертую его экспедицію удалось ему познакомить насъ со своеобразною, рѣдко посѣянною и мелкою растительностью этого необитаемаго и неприступнаго края. Гербарій добывался при неимовѣрныхъ лишеніяхъ и трудностяхъ, въ постоянной борьбѣ съ ужаснѣйшимъ климатомъ и отбиваясь отъ нападеній многочисленныхъ вооруженныхъ разбойничьихъ шаекъ. За то получилась единственная въ своемъ родѣ коллекція, равно замѣчательная какъ по новизнѣ, такъ и по миніатюрности растеній.

Такимъ образомъ составились коллекціи Николая Михайловича, заключающія около 1700 видовъ въ 15.000—16.000 экземплярахъ.

Къ монгольскому отдѣлу этого сбора не замедлили вскорѣ присоединиться весьма богатые матеріалы, вывезенные Г. Н. Потанинымъ, а также полковникомъ Пѣвцовымъ изъ четырехъ экспедицій по Сѣверной Монголіи, а равно и сборъ г. Потанина въ южной Монголіи, и мелкія коллекціи: Адріанова съ верхняго Енисея, Кальнинга изъ окрестностей Хобдо и др. Тибетскій матеріалъ, или лучше Ганьсуйскій, въ прошломъ году значительно обогатился сборомъ того же Г. Н. Потанина. Въ отчетѣ, представленномъ въ съѣздъ ботаниковъ и садоводовъ въ 1884 году, я насчиталъ для Монголіи слишкомъ 1600 видовъ, для Тибета 800 видовъ; но нынѣ, благодаря новѣйшимъ матеріаламъ, первая флора возросла приблизительно до 1800, а другая до 900 видовъ.

Хотя такимъ образомъ далеко не весь подлежащій разбору матеріалъ принадлежитъ Пржевальскому, но все таки безспорно самая интересная его часть вывезена имъ. Ему почти всецѣло выпала на долю Тибетская флора, ему-же обязаны мы интереснѣйшими находками въ Монголіи. Причина тому двоякая. Николай Михайловичъ собиралъ преимущественно на югѣ, остальные собиратели—на сѣверѣ Монголіи, гдѣ растутъ тѣ же породы, что и въ южной Сибири. Затѣмъ Николай Михайловичъ, съ его экспедиціей на военную ногу, былъ почти независимъ отъ туземцевъ, шелъ на проломъ необитаемыми мѣстами и, какъ зоологъ, даже избѣгалъ поселеній, тогда какъ напр. Г. Н. Потанинъ, какъ этнографъ, болѣе держался торныхъ дорогъ и подолгу живалъ въ поселеніяхъ. Понятно, что первый находилъ болѣе рѣдкостей или новостей, а вто-

рой обогащалъ списки флоры болѣе обыкновенными растеніями или даже сорными травами. Такъ, сборъ одного прекрасно дополнилъ сборъ другого.

Что касается до качества собраннаго, то нужно отдѣлить Монгольскій сборъ отъ Тибетскаго. Первый всюду удовлетворителенъ или даже безусловно хорошъ (хотя и здѣсь иногда встрѣчаются формы, попавшіяся только однажды и потому не полно собранныя).

Въ Тибетской коллекціи особенно хороши набранныя въ Ганьсу растенія: рослыя, хорошо развитыя, полно собранныя и хорошо приготовленныя. Собственно же формы высокаго Тибетскаго плоскогорія — карлики въ дюймъ или въ два, чаще въ видѣ густого кустика или коврика, съ мелкими цвѣточками, запрятанными въ листвѣ, почти всегда безъ плодовъ, довольно часто неудовлетворительны и не полны. Но мелкія и невзрачныя растеньица, окрашенныя, особливо подъ осень, въ бурый или сѣрый цвѣтъ, легко ускользаютъ отъ вниманія или даже вовсе скрываются, заносимыя то снѣгомъ, то пылью, то затопленныя водою; и, застигнутыя непогодою, въ иные года, вѣроятно, вовсе не приносятъ сѣмянъ. Какъ бы то ни было, но сѣверно-тибетскій гербарій Пржевальскаго—драгоцѣнность, имѣющаяся только у насъ, и нигдѣ какъ у насъ, и не думаю, чтобы вскорѣ нашелся другой отважный путешественникъ, которому удастся пойти по слѣдамъ нашего незабвеннаго Николая Михайловича и продолжать начатое имъ такъ основательно многотрудное дѣло изслѣдованія Тибетской флоры.

Обработка всѣхъ этихъ матеріаловъ производилась слѣдующимъ образомъ. По возвращеніи Николая Михайловича изъ экспедиціи, онъ отбиралъ по экземпляру тѣхъ видовъ, о которыхъ хотѣлъ упомянуть въ своемъ сочиненіи, и такіе виды опредѣлялись сейчасъ же, а самые экземпляры ему возвращались. Присмотрѣвшись къ нимъ, Николай Михайловичъ, одаренный замѣчательнымъ глазомъ и превосходною памятью, твердо помнилъ всѣ такія растенія, на слѣдующій разъ прямо узнавалъ ихъ, не смѣшивая съ другими похожими породами и въ дневникѣ обзывалъ правильными, латинскими названіями.

Рядомъ шла заготовка рисунковъ и обработка всего матеріала, но также двоякая: во-первыхъ, по систематическому порядку, а во вторыхъ описывались выхваченныя внѣ системы, выдающіяся

новости. Послѣднее дѣлалось отчасти по указанію самого собирателя или по особенному интересу какой либо находки, отчасти же въ виду конкурренціи съ заграницею, для сохраненія за нашимъ путешественникомъ первенства, пріоритета. Такими конкуррентами являлись французы: патеръ Давидъ и въ послѣднее время аббатъ Делаве (Delavay), въ меньшей мѣрѣ англичанинъ Гансъ (Hance), получившій и опубликовавшій нѣсколько растеній съ Куку-Нора и изъ Монголіи. Особенно по путевымъ запискамъ Давида можно было опасаться, что онъ отниметъ у насъ почти всѣ монгольскія и много тибетскихъ новостей. Напрасныя опасенія! Давидъ вывезъ весьма немногія изъ упомянутыхъ въ его отчетахъ растеній и между ними, также какъ и между безчисленными находками Делаве, оказались весьма и весьма немногія, общія съ Тибетомъ: на столько рѣзко Тибетская флора разграничена съ флорою Китая! Всѣ новыя породы печатались въ бюллетенѣ нашей Академіи подъ заглавіемъ „Diagnoses plantarum novarum asiaticarum“. Описано всего въ бюллетенѣ 218 новыхъ видовъ (съ семью новыми родами): 173 тибетскихъ, 44 монгольскихъ.

Систематическая разработка ведется параллельно, въ видахъ сокращенія труда, т. е. монгольская и тибетская флоры разомъ. Описанія новыхъ формъ пишутся по латыни, мѣстонахожденія и туземныя названія по-русски. Ко времени возвращенія Николая Михайловича изъ второго путешествія первый выпускъ и той и другой флоры былъ готовъ и всѣ таблицы къ нимъ отпечатаны. Тогда предполагалось составить изъ ботанической части третій томъ перваго путешествія Пржевальскаго. Но послѣ каждой новой экспедиціи приходилось передѣлывать эти выпуски, т. е. дополнять ихъ вновь добытымъ матеріаломъ и заказывать добавочныя таблицы. Когда Николай Михайловичъ отправлялся въ пятое и послѣднее свое путешествіе, первоначальный планъ изданія былъ оставленъ и принятъ новый, по которому и имѣются уже два выпуска зоологическаго отдѣла. Ботаническій отдѣлъ займетъ по этому новому плану два тома: одинъ для флоры Монголіи, другой для флоры Тибета, считая сюда и западную часть Ганьсу. Оба мои выпуска были также готовы къ печати: монгольскій содержалъ въ себѣ 285 видовъ и 12 таблицъ, тибетскій 111 видовъ и 29 таблицъ; по объему они были почти равны. Но въ 1887 г. возвратился Г. Н. Потанинъ съ новымъ, весьма богатымъ сборомъ, значительная доля котораго прямо входила въ рамки заготовляемаго труда, и печатаніе пришлось вновь отложить до включенія и этого матеріала.

Невольно является опасеніе, что привезутъ опять новый матеріалъ, напр. изъ Монголіи, и печатаніе опять замедлится. Затѣмъ, если подумаешь, что за все время экспедицій Пржевальскаго не успѣли появиться даже первые выпуски упомянутыхъ флоръ, содержащіе вмѣстѣ всего 400 видовъ съ 41 таблицей, то невольно зарождается сомнѣніе, что ботаническая разработка матеріала затянется на неопредѣленное время и останется даже вовсе недоконченной. Но такія опасенія, къ счастью, можно признать преувеличенными. Я уже сказалъ, что средне-азіатскій матеріалъ засталъ меня въ самомъ разгарѣ разработки моихъ собственныхъ восточно-азіатскихъ коллекцій. Эта разработка была мнѣ, конечно, ближе къ сердцу и поглотила много времени; но нынѣ она приближается къ концу.—Затѣмъ, все новыя и новыя поступленія изъ Средней Азіи сильно тормозили успѣшныя занятія. Каждая новая коллекція должна была разбираться и классифицироваться, привезенныя сѣмена въ возможно скорый срокъ опредѣляться для высѣванія и разсылки, выбранныя путешественникомъ породы снабжаться названіями и новыя между ними описываться. Затѣмъ обѣ флоры, какъ монгольская, такъ и тибетская, были для меня, свѣдущаго въ растительности восточной Азіи, непривычнымъ дѣломъ: монгольская—по громадному проценту Алтайскихъ и Забайкальскихъ видовъ, которыми я доселѣ мало занимался тибетская — по большому числу новыхъ формъ, которыя къ тому же почти всѣ по сродству принадлежали къ флорѣ высоко-альпійской полосы Гималая, весьма плохо представленной въ нашихъ здѣшнихъ музеяхъ. Гдѣ не было гималайскихъ экземпляровъ для сравненія, опредѣленіе по однимъ описаніямъ обыкновенно оказывалось невозможнымъ. Слишкомъ краткія описанія въ индійской флорѣ Гукера, къ тому еще неоконченной, назначенныя исключительно для распознаванія индійскихъ видовъ, для моей цѣли были весьма неудовлетворительны.

Завязывалась переписка съ Англіей и съ Индіей для полученія необходимаго матеріала, и только по полученіи такового наше растеніе окончательно опредѣлялось; но, конечно, не иначе, какъ послѣ тщательнаго анализа и индійской сравниваемой породы анализъ которой иногда помѣщался на ряду съ изображеніемъ тибетскаго вида.

Самое изслѣдованіе крошечныхъ и часто неполныхъ тибетскихъ растеній требовало значительнаго времени: экземпляры размачивались въ горячей водѣ, расправлялись подъ лупою, анализировались

и рисовались подъ нею-же, рисунки же анализовъ, какъ назначенные въ печать, производились съ возможною тщательностью.

Нынѣ значительное число новостей описано и даже нарисовано (на лицо 83 еще не изданныя таблицы), что, конечно, весьма облегчитъ дальнѣйшій трудъ. Весь средне-азіатскій сборъ соединенъ въ одно цѣлое. Гималайскихъ матеріаловъ пріобрѣтено такъ много, что рѣже и рѣже приходится прибѣгать къ выпрашиванію чего-либо новаго. При описаніи новыхъ видовъ опредѣлялось, такъ сказать, попутно, и множество старыхъ. Такъ изъ 900 видовъ тибетскихъ опредѣлено почти 500, изъ 1800 монгольскихъ слишкомъ 1000. Всѣ эти подготовительныя работы значительно облегчатъ и ускорятъ появленіе слѣдующихъ выпусковъ; а включеніе Потанинскаго сбора въ первые выпуски долго не задержитъ, потому что сборъ произведенъ въ мѣстности неоднократно обслѣдованной и абсолютно новаго, конечно, найдено мало.

Тѣмъ не менѣе одна механическая работа надъ сырымъ матеріаломъ до окончательнаго включенія его въ гербарій, а также литографированіе таблицъ потребуютъ еще не мало времени и я сочту себя счастливымъ, ежели доведу дѣло до конца въ меньшее время чѣмъ то, какое протекло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые приступилъ къ нему.

Во всякомъ случаѣ научная разработка подвинулась на столько, что плодомъ ея могла явиться подробная статья (въ Bulletin du Congrès international à St.-Peterbourg 1884), въ которой разсматриваются обѣ флоры по ихъ составу, характеру и сродству съ сосѣдними флорами; а изъ многочисленныхъ выкладокъ и сопоставленій выводятся на столько надежные результаты, что какъ монгольская, такъ и сѣверо-тибетская флоры отнынѣ могутъ считаться прочными научными пріобрѣтеніями. Желающихъ поближе ознакомиться съ результатами отсылаю къ самой статьѣ, но предупреждаю, что она отнюдь не можетъ быть названа легкимъ чтеніемъ. Въ систематической ботаникѣ обобщенія даются только послѣ многолѣтней, кропотливой работы, какъ коллекторовъ, такъ и ученыхъ. Подобно тому, какъ въ астрономіи толстые томы, наполненные цифрами, гдѣ каждая цифра уже является выводомъ изъ цѣлаго ряда наблюденій и вычисленій, служатъ лишь для прочнаго установленія элементовъ орбитъ какихъ-либо звѣздъ; а эти орбиты служатъ, въ свою очередь, только для новыхъ выкладокъ, въ окончательномъ же результатѣ, послѣ вѣковыхъ трудовъ, получается какая-либо научная истина, выраженная въ немногихъ

словахъ,—такъ, хотя и въ гораздо меньшей мѣрѣ и далеко не съ такою математической точностью, и въ систематической ботаникѣ нужно потратить много труда для установленія весьма немногихъ научныхъ положеній. Въ настоящемъ случаѣ главные результаты—объ остальныхъ умалчиваю—слѣдующіе.

Тибетское плоскогоріе оставалось въ неизмѣримый промежутокъ времени геологически нетронутымъ, подвергаясь одному дѣйствію климата и многовѣковому наслоенію приносимой постоянными вѣтрами съ сѣвера лёссовой пыли; Куэнлюнскій хребетъ, простирающійся во всю длину плоскогорья съ запада на востокъ, признается Рихтгофеномъ за древнѣйшій, какъ онъ выражается, за позвоночный столбъ Азіи. Если это справедливо, то и Гималай и монгольскія параллельныя между собою горныя цѣпи, геологически говоря, моложе. Тогда нѣтъ причины не признать и флору Тибета, насколько они состоитъ изъ самостоятельныхъ видовъ, за первобытную, сотворенную на мѣстѣ. Признаемъ ли мы ее за таковую, или примемъ, наоборотъ, что она составилась изъ выходцевъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ Тибету странъ, въ томъ отношеніи безразлично, что такъ или иначе, но Тибетская флора состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ближайшею сосѣдкою, флорою высоко-альпійскаго пояса Гималая, а отчасти со флорами монгольскихъ и южно-сибирскихъ хребтовъ, причемъ число такихъ близкихъ породъ по мѣрѣ удаленія къ сѣверу мало-по-малу уменьшается. Къ этому ядру тибетской флоры присоединился довольно сильный контингентъ обыкновенныхъ, такъ называемыхъ сѣверо-европейскихъ формъ, и судя по тому, что эти формы не успѣли еще видоизмѣниться, присоединеніе это произошло въ сравнительно недавнемъ прошломъ.

Особенно характернымъ для Тибета родомъ является Saussurea, которой насчитывается около тридцати, большею частью миніатюрныхъ видовъ.

Характерные для Тибета виды въ общемъ многолѣтни и отличаются удивительно медленнымъ ростомъ. Приведу два примѣра. Семилѣтніе сѣянцы прелестнѣйшей Incarvillea compacta такъ малы, что пройдутъ, можетъ быть, еще семь лѣтъ до перваго цвѣтка, а крупному экземпляру съ букетомъ въ дюжину цвѣтовъ и корнемъ толщиною въ дюймъ нужно дать лѣтъ пятьдесятъ, хотя онъ весь ростомъ въ четыре дюйма. Другой примѣръ еще поразительнѣе. Николай Михайловичъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи неоднократно упоминаетъ о мелкомъ растеніи Androsace tapete, образующемъ густые коврики до аршина въ поперечникѣ, похожіе на ситецъ съ

мелкими цвѣточками. Такой коврикъ составляетъ, повидимому, одно цѣлое, слѣдовательно произросъ изъ одного сѣмени. Состоитъ онъ изъ тысячъ тѣсно скученныхъ стебельковъ въ дюймъ вышины. Каждый стебелекъ обсаженъ, какъ чешуей, мелкими листочками и иногда заканчивается цвѣточкомъ. Разсмотрѣвъ его внимательно, замѣчаешь, что ежегодно образуются всего по четыре листочка, на стебелькѣ же ихъ до тридцати и болѣе. Слѣдовательно, каждому стебельку по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ. Положивъ, что каждый годъ стебелекъ даетъ по одному боковому отпрыску, спрашивается, сколько столѣтій потребуется для полученія коврика въ аршинъ въ діаметрѣ? Такъ и безлѣсное тибетское нагорье имѣетъ своихъ многовѣковыхъ, но не исполиновъ,—а карликовъ.

И монгольская флора должна быть признана весьма древнею. Весь сѣверъ Монголіи населенъ альпійскою растительностью, подобной той, какая извѣстна съ Алтая, Саяна и другихъ южно-сибирскихъ хребтовъ; югъ и востокъ Монголіи имѣютъ флору общую съ Маньчжуріею; вездѣ процентъ видовъ свойственныхъ одной Монголіи весьма невеликъ. Своеобразною, хотя и весьма скудною растительностью и болѣе выгоднымъ процентомъ характерныхъ видовъ въ Монголіи выдаются, повидимому, только узкая поперечная котловина по средней части восточной Монголіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, часть ложа бывшаго здѣсь когда-то обширнаго воднаго бассейна; а также громадная площадь сыпучихъ песковъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки и вокругъ хребта Алашаня. Самый Алашань, зеленый, альпійскій оазисъ среди раскаленной пустыни, своею растительностью нѣсколько напоминаетъ Ганьсу.

Какъ Алашань, такъ и самыя характерныя части Монголіи и весь сѣверный Тибетъ—научныя завоеванія незабвеннаго путешественника, памяти котораго посвящено настоящее засѣданіе.

Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіи 30 съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ амурскій и уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученыя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда колоніальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаме-

нитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималай до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его выше упомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только съумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ.

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ Монголіи, готовый приступить къ пятому путешествію. Какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, кромѣ инструкцій, какъ путешествовать по средней Азіи, и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію, для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ, скромно называя свои собственные труды научными рекогносцировками. Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его, найдемъ въ средѣ нашей отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе средней Азіи!

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXIV тома „Извѣстій“ Общества.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.